
Измена
МАМА.
на Новый год!
Анна Герц

Анна Герц

Измена. Мама на Новый год! Книга 1

https://litres.ru/74743339
SelfPub; 2026

Аннотация

Варвара Кологривая, 36-летний кардиохирург, после двадцати лет брака узнаёт, что её муж Максим, влиятельный начальник полиции, много лет изменяет ей с другой женщиной и имеет от любовницы двух дочерей. При этом сама Варвара безуспешно пыталась стать матерью.

Вскоре любовницу убивают, а её отец погибает при загадочных обстоятельствах. Дети оказываются на пороге Варвариного дома. Максим бросает их на жену и уезжает во Владивосток к новой женщине, которая уже беременна от него.

Варвара привязывается к четырёхлетней Лене и решает бороться за неё. Ей помогает Дмитрий, коллега мужа, между ними постепенно возникают чувства. Одновременно выясняется, что убийство любовницы связано с опасными тайнами, которые Максим скрывает.

Содержание

ПРОЛОГ. 4
ГЛАВА 1. 8
Конец ознакомительного фрагмента. 17

Анна Герц
Измена. Мама на Новый год! Книга 1

ПРОЛОГ.

— Варвара Дмитриевна? Это вы?

Я сидела в темноте на краю кровати, с телефоном в одной руке и бокалом в другой, а за стеной, на кухонном диванчике, храпел мой муж. Час сорок ночи. Номер на экране был незнакомый, голос в трубке сиплый, с присвистом, и человек на том конце дышал так, словно каждое слово ему приходилось сначала поднимать с пола.

— Я. Кто это?

— Артём. Отец Насти. Вы мне визитку давали в пятницу, помните?

Я поставила бокал на тумбочку мимо, и он чуть не упал. Помнила. Седой мужчина в хорошем пальто мял на коленях шапку и благодарил меня за дочь, которую я в понедельник, в девять утра, должна была класть на стол. За ту дочь, которая на фотографии у меня на кухне стояла под ёлкой, прижавшись к моему мужу.

— Что с ней? Ей плохо? Вызывайте скорую, я сейчас…

— Настя мертва.

Он сказал это без крика, словно диагноз, и закашлялся, и в трубке забулькало, и я, кардиохирург, встала с кровати раньше, чем поняла, что встаю. Так дышат, когда в лёгких кровь.

— Артём, где вы? Вы ранены? Назовите адрес, я вызову помощь!

— Я прошу… Ваш муж… Золотой Скиф… Дети… Алла и Макар… Дети…

— Артём! Какие дети? Артём, вы меня слышите?!

Гудки. Я перезвонила, и ещё раз, и женский голос без выражения сообщил мне, что абонент недоступен. Я набрала скорую, и девушка на том конце выслушала, что человек ранен, что он где-то в городе, и терпеливо спросила, куда ей посылать машину. Я не знала куда. Я положила трубку и пошла на кухню.

Макс спал на спине, поперёк диванчика, в рубашке, расстёгнутой до живота, и одна рука у него свешивалась до самого пола. Этой рукой он ещё вечером держал меня за горло у холодильника. На столе возле его головы стояла пустая бутылка, а рядом лежала она, та фотография, лицом вверх.

— Макс. Макс, проснись! Звонил отец Насти. Он сказал, что Настя мертва!

Муж промычал что-то и отвернулся к спинке.

Я села напротив и стала ждать, сама не зная чего. Ваш муж, сказал он. Что мой муж? Что такое Золотой Скиф, кто

такие Алла и Макар, и какие дети? У Насти четверо детей, сказала мне вчера Алина, и девчонки с малым точно его. Это я уже знала.

Я сидела и смотрела на зелёные цифры на микроволновке и думала, что утром подниму в клинике её историю болезни, там будут адреса и телефоны, и что утром я разбужу этого человека, и он, начальник отдела полиции, объяснит мне, почему его любовница мертва и почему её отец, умирая, вспомнил его. Держись, Варя. Ты держишься двадцать лет, подержись до утра.

Прошло двадцать минут, и в дверь позвонили. Не коротко, по-соседски, а долго, с нажимом, а потом ещё раз.

Я посмотрела в глазок, и на площадке под жёлтой лампочкой стояли трое. Девочка, подросток, с огненно-рыжими кудрями из-под шапки, высокая, в куртке нараспашку. Рядом парень на голову выше её, черноволосый, плечистый, и он был так похож на Макса в молодости, на того Макса из нашего посёлка, за которым бегала половина девчонок, что я забыла, зачем стою у двери. На руках у парня спала малышка в розовой шапке с помпоном, и светлая прядка прилипла к её щеке.

Я открыла, не спросив, кто там.

— Здрасьте. — Огромные зелёные глаза девочки смотрели на меня в упор, без стеснения, как смотрят на продавщицу. — А где папа?

— Папа?

Парень шагнул вперёд, перехватил малышку повыше, и она во сне чмокнула губами.

— Наш папа Максим Александрович Кологривый. А вы кто? Его домработница?

ГЛАВА 1.

— Варвара Дмитриевна, вас Винтовкин ищет. Третий раз звонит и с каждым разом всё ласковее. Я бы на вашем месте не ходила.

Наташа стояла в дверях предоперационной с полотенцем наготове, а я держала руки под струёй и смотрела, как с пальцев стекает вода. Пять часов у стола. Мужчина пятьдесят два года, три шунта, сердце завелось с первого раза, и я до сих пор чувствовала его в ладони, упрямое, тёплое, живое. Мне хотелось сесть на пол в бахилах, прямо тут, у раковины, и посидеть минут десять с закрытыми глазами, и чтобы меня никто не трогал.

— Ласковее, говоришь? Значит, бумаги дочитал.

— Какие бумаги?

— Ту операцию на понедельник. Бесплатную.

Наташа подала полотенце и ничего не сказала, только поджала губы. Ей было около тридцати, у неё были тёплые спокойные руки и привычка не задавать вопросов, и за пять лет в моей операционной она ни одного моего слова не вынесла за дверь. Я знала это так же точно, как знала, что у неё в кармане халата всегда лежит шоколадка на случай, если я забуду поесть.

— Это та, которую с капельницы привозили? Анастасия?

— Она.

— Варвара Дмитриевна, я не лезу. Только вы с ним поосторожнее. Он у Дениса Игоревича вчера полдня просидел, а потом Денис Игоревич ушёл домой с давлением, а у него давления отродясь не было.

Я вытерла руки, сняла шапочку, и волосы, слежавшиеся за пять часов, упали на шею мокрыми прядями. Хоть бы одна операция в этой клинике обошлась без разговора о деньгах. Ладно, Варя. Пошли, послушаем, сколько стоит человеческое сердце по его прейскуранту.

* * *

Два месяца назад в этом кабинете стояли цветы в горшках и висела фотография первой нашей операционной, где мы с Денисом, оба молодые, худые и глупые, стоим в зелёных костюмах и улыбаемся так, будто нам подарили весь мир. Теперь на той стене висел телевизор во всю ширину, а за столом сидел Артём Сергеевич Винтовкин, новый главный врач, тучный, румяный, в костюме, который на нём сидел как на вешалке.

— Варвара Дмитриевна! Садитесь, садитесь.

Он протянул руку через стол, и я её пожала, и он тут же достал из кармана платок и вытер пальцы. Каждый раз одно и то же. Я сначала думала, что это он мной брезгует, а потом увидела, как он вытирает руки после всех, после пациентов, после главного бухгалтера, после инвестора, который приезжал смотреть наше оборудование.

— Я по вашей бесплатной. Вы понимаете, что эта опера-

ция не может пройти даром? И браться за неё вы тоже не можете.

— Аортокоронарное шунтирование, три сосуда. Если её не взять на стол в ближайшие дни, следующий приступ она не переживёт. Я смотрела снимки, Артём Сергеевич. Там всё плохо.

— У нас платная клиника!

— Раз в год мы делаем одну операцию бесплатно. Это записано в уставе. Я сама писала эту строчку, когда клиники ещё не было, а был подвал на Петроградской и два стола.

Он постучал по столешнице пальцами, толстыми, розовыми, как сардельки из детского сада, и улыбнулся мне так, как улыбаются двоечнику, который принёс дневник и ждёт похвалы.

— Вы наш лучший доктор. Бриллиант! Я вас ценю, поверьте. Но поймите и вы: это не тот человек, кому надо помогать. Анастасия алкоголичка. Она пьёт водку, как вы воду, её на той неделе опять снимали с капельницы. Ей ничего не поможет. А её сердце, мягко говоря…

— Обречено?

— Обречено. И когда она умрёт на вашем столе, а она умрёт, это будет ваша смертность и наша репутация. Мы ещё и заплатим за то, чтобы нас потом полоскали по всему городу. Даром! Вы понимаете?

Я молчала. Я всегда думала, что врачи для того и есть, чтобы лечить, а не решать, кому жить, а кому нет, и что если

человек пришёл к тебе с больным сердцем, то пьёт он водку или кефир, это уже второе дело. Только говорить это Винтовкину было всё равно что объяснять холодильнику, почему он гудит. Он пришёл к нам считать деньги и считал хорошо, и Денис мне уже дважды говорил, что ещё год, и нас купят целиком, вместе со стенами и моими руками.

— Она не бедная, раз обратилась к нам.

— Была не бедная. У отца долги, бизнес разваливается, я узнавал.

— Тогда тем более.

Он откинулся в кресле, и кресло под ним жалобно скрипнуло.

— Решать вам, конечно. Только я вас предупредил. И в понедельник, если что, я у себя в кабинете, а не в операционной, запомните.

Я встала и забрала со стола папку с её историей. Назначение на понедельник уже было подписано моей рукой, и спорить дальше я не стала.

— Я вас поняла, Артём Сергеевич.

* * *

В моём кабинете меня ждали. Мужчина лет шестидесяти, седой, в хорошем пальто с меховым воротником, сидел на стуле для посетителей и мял обеими руками шапку. Когда я вошла, он поднялся так торопливо, что уронил её.

— Варвара Дмитриевна? Простите, что без записи. Я отец Анастасии. Мне сказали, вы её берёте.

— Беру. В понедельник, в девять утра.

Он взял мою руку в обе свои и не отпускал. Ладони у него были сухие и горячие, а на безымянном пальце белела полоска от кольца, которое он, видно, недавно снял.

— Спасибо вам. Вы не представляете… У меня сейчас с бизнесом совсем беда, сами понимаете, всё решается деньгами, а денег нет. Пока были, ваш главврач передо мной чуть ли не ковёр стелил. А сейчас я ему никто.

— Садитесь. Чаю?

— Нет, нет, я на минуту. Я только хочу, чтобы вы знали. Настя правда очень больна. Пьёт, да, я не скрываю, я сам виноват, недоглядел, жена рано умерла, а я всё работал и работал. Но у неё дети. Трое. То есть… теперь четверо.

Я налила ему воды из кулера, и он выпил весь стакан залпом, и кадык у него ходил под седой щетиной.

— Палату, лекарства, всё, что вокруг операции, мы оплатим, вы не думайте. Мы нашли замечательного человека. Отца Настиных детей. У него, правда, другая семья, жена, всё как положено, но они всё равно сходились, понимаете? Всю жизнь: сойдутся, разойдутся. И вот в прошлом году родился маленький Дима. Он деньги дал, не отказал. Хоть так.

Я кивала. Мне было жаль эту неизвестную Анастасию, жаль её отца с его пальто из хороших времён, и почему-то жаль ту женщину, которая сейчас сидит где-то в своей правильной семье и не знает, что её муж оплачивает операцию любовнице. Я видела таких жён у себя в коридоре, ухожен-

ных, в шубах, с сумками дороже моей машины, и каждый раз думала с тихим облегчением: ну хоть меня это не касается. Мой Макс приходит домой и двадцать лет спит со мной в одной постели.

— Можно ваш телефон? На всякий случай. Если ночью ей станет плохо. Она же меня не слушает, меня никто не слушает.

Я достала из ящика визитку клиники и написала на обороте свой мобильный. Он поднёс её к глазам, прочитал и перестал улыбаться.

— Кологривая?

— По мужу.

— Редкая фамилия.

— Редкая.

Он смотрел на карточку дольше, чем нужно, чтобы прочитать одно слово, потом убрал её во внутренний карман, туда, где у мужчин лежат паспорт и деньги, и застегнул пуговицу.

— Спасибо вам, Варвара Дмитриевна. Дай вам Бог.

Он ушёл, а я ещё постояла у окна. Внизу, на парковке, он долго не садился в машину, стоял у открытой дверцы, держась за крышу, и смотрел вверх, на окна клиники, на мои окна.

* * *

Домой я приехала в начале девятого с двумя пакетами из магазина у подъезда, потому что в холодильнике у нас со среды жили горчица и Максов кефир. Пятница. Два выходных

впереди, а в понедельник та операция, и всю дорогу я думала, правильно ли сделала, что взялась. Сосуды у неё были плохие, и в одном Винтовкин был прав: исход мог быть любым.

У подъезда стояла служебная машина Макса, и его водитель грел руки у открытой дверцы. Увидел меня и подхватил пакеты.

— Варвара Дмитриевна, давайте донесу! Максим Александрович уже поднялся.

— Сама донесу. Езжай домой, пятница.

Он засмеялся и всё равно дотащил до лифта.

Я открыла дверь своим ключом, поставила пакеты в прихожей и выдохнула.

— Привет, я дома!

Из кухни вышел мой муж. Высокий, широкий в плечах, в рубашке с закатанными рукавами и с полотенцем через плечо, будто это он тут весь вечер стоял у плиты. Максим Александрович Кологривый, начальник отдела полиции, уважаемый человек, которого боятся подчинённые и любят их жёны, первый парень нашего посёлка, за которым я бегала девчонкой, как все, и за которого вышла, когда все говорили, что я ему не пара.

Я тут же оказалась у него в руках. Он умел обнять так, что все тревоги отходили за стенку, к соседям.

— Малышка моя, ты чего такая? Устала? Зачем тяжести таскаешь, позвонила бы, я бы спустился!

— Я пять часов у стола простояла, Макс. Мне эти пакеты как пух.

— Героиня моя.

Мне тридцать шесть лет, Максу тридцать восемь. Двадцать лет он в моей жизни. В восемнадцать он приехал за мной на электричке и увёз в город, и его мать, когда узнала, сказала на весь двор, что сын привёл в дом лимиту из пьющей семьи, и смотрела на мои туфли так, что я их потом выбросила. Мы два раза расходились и два раза сходились. Оба раза уходила я, и оба раза из-за одного и того же: я не могла больше видеть, как он берёт на руки племянников, детей Жени, кружит их, ставит на пол и потом долго молчит.

Детей у нас не было. Я врач, я обошла всех, кого знала, и все они разводили руками. Женя однажды при всех за столом назвала меня пустым орехом, и Макс промолчал, а я ушла на балкон в одном платье, в мороз, и стояла там, пока не перестала чувствовать пальцы, а за стеклом они ели холодец и смеялись.

И оба раза он приезжал за мной, стоял под дверью и говорил, что ему никто не нужен, кроме меня.

Я подняла на мужа глаза и прижалась крепче.

— Я тебя очень сильно люблю, Макс.

— И я тебя люблю, девочка моя.

— Посидим сегодня? Я вина купила, хорошего, красного. Сделаю мясо, как ты любишь. Телефоны выключим. Хочешь?

— Хочу.

Он провёл пальцами по моим волосам, от виска к затылку, медленно, как делал когда-то в самом начале, когда мы снимали комнату у бабки на Васильевском и спали на одном узком диване, и ничего у нас не было, кроме этого дивана. Мне стало тепло до самых пяток. Я уже видела нас в спальне, его тяжёлые руки, его голос, который становится ниже, когда он меня хочет. Всю осень он приходил поздно и спал, отвернувшись к стенке, и я списывала всё на работу, на новую должность, о которой он говорил шёпотом, на усталость. Мужики тоже устают.

Он закрыл глаза и прижался губами к моему виску.

— Настя, девочка моя!

В глазах потемнело. Какая Настя? Меня зовут Варя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.